

Рыболов - спортсмен

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
Р93

Р93 Рыболов - спортсмен: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 293 с.

ISBN 978-5-519-15561-8

Репринт оригинального издания 1951 года.

ISBN 978-5-519-15561-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

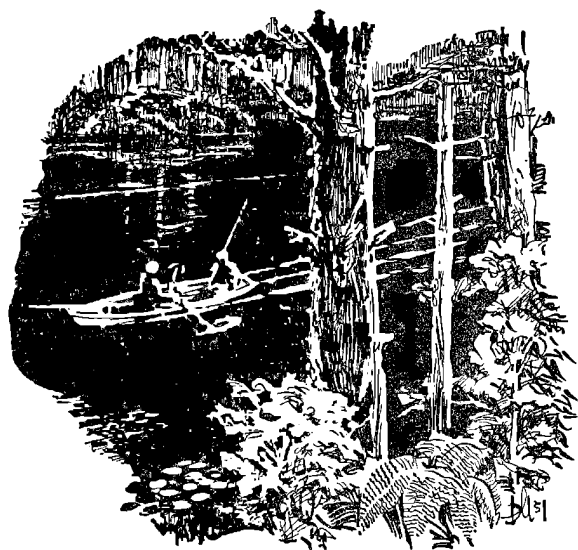
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

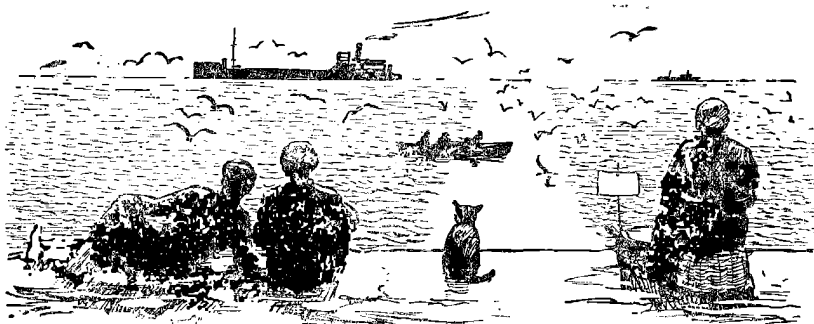


Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ





Константин Паустовский

ЧЕРНОМОРСКОЕ СОЛНЦЕ

Когда у нас в Средней России начинают лить осенние обложные дожди и в дыму этих дождей тонут леса и свинцовые речные просторы, тогда приходит к человеку тоска по далекому черноморскому солнцу.

Мы — рыболовы — обычно терпеливо ждали, когда, наконец, пройдет ненастье. Чаще всего оно оканчивалось ночью. Мы просыпались от глубокой тишины. Дождь не гремел по железной крыше деревенского дома, не шумели от ветра старые вязы, и только последние капли изредка постукивали то тут, то там — за стеной.

За окном мезонина было видно, как ненастье сваливалось за леса громадой непроглядных туч и черного дыма. В очистившемся небе сияла омытая дождем Большая Медведица.

Но пока длилась непогода, мы, запертые ею в бревенчатых комнатах, любили поговорить о рыбной ловле под иными широтами, под южными безоблачными небесами.

Больше всего я привязан душой к нашей средней полосе России. Рыбная ловля в ее реках и озерах кажется мне замечательной. Но в дождливые дни я тоже вспоминал о рыбной ловле на Черном море. В морской ловле было много своеобразия и прелести.

Я вспоминал старый мол-волнолом в Одессе, изъеденный, как губка, крепкой солью и ржавчиной.

В лужах на молу вода была так прогрета солнцем, что попадавшие в нее креветки тотчас умирали. При этом они краснели, как крабы в кипятке.

Креветки сами по себе, конечно, не могли попасть в эти лужи. Их роняли туда старики-рыболовы.

Креветок продавали в толстых бумажных фунтиках. У каждого рыболова торчало в кармане по два-три таких фунтика вместе с горстью маслин, куском брынзы и свежего арнаутского хлеба.

Горговала креветками — по-одесски «рачками» — тут же на молу худая женщина тетя Пая с таким взвинченным голосом, что вытерпеть его могли только философически настроенные одесские рыболовы.

— Слушайте, граждане! — пронзительно говорила тетя Пая, сидя на перевернутой корзине из-под креветок. — Неужли я приговоренная навеки к этим проклятым рачкам? Так нет же, и нет! У меня есть своя думка вырастить из моего Моти знаменитого скрипача. Он учится у самого Столярского. Чтобы мне добра не было, если я не сделаю из Моти свое утешение.

Было совершенно непонятно, к кому обращалась тетя Пая со своими речами. Рыболовы сидели поодаль на краю мола, свесив ноги и воткнув в щели между камнями длиннейшие бамбуковые удилища, или, как их зовут в Одессе, «пруты». Голос тети Паи, конечно, долетал до рыболовов, но они так привыкли к нему, что уже не слышали его, подобно тому, как береговой житель перестает замечать шум прибоя.

Слушал тетю Паю только рыжий кот Зяма — единственный постоянный обитатель волнолома. Он спал на солнце-пеке около тети Паи, закрыв один глаз. Второй глаз был на всякий случай только прищурен. Зяма лениво следил этим глазом за всем, что делалось вокруг.

Как Зяма попал на мол, никто не знал. Большинство рыболовов склонялось к той мысли, что кот этот был сильно вороват. За это хозяин и завез Зяму на мол. Дело в том, что мол не соединялся с берегом, сюда переезжали на шлюпке. Зяма остался на молу, как на необитаемом острове.

Зяма воровал рыбу и этим питался. Жил он в пещере от вывалившегося из мола большого камня. Пещера была расположена не со стороны моря, где набегал прибой, а со стороны порта. Там даже в штормы было тихо.

То, что кот сообразил, где поселиться, вызывало к нему даже некоторое уважение. Может быть, из этого уважения кто-то из рыболовов поставил в пещеру к Зяме пустую жестянку от консервов. В эту жестянку рыболовы наливали коту пресную воду, а то, бывало, и ситро, если кто-нибудь привозил шипучку и опускал «для прохлады» бутылку на длинном шпагате с волнолома в морскую глубину.

Креветок тетя Пая держала в круглой корзине, прикрытой морской травой. В корзину была воткнута палка, а к ней прибита дощечка. На дощечке рукой будущего знаменитого скрипача было нетвердо написано: «Граждане! Кредит портит отношения!». Но, несмотря на эту предостерегающую надпись, тетя Пая охотно отпускала рыболовам креветок в кредит.

Мы проводили на волноломе с поэтом Эдуардом Багрицким целые дни и возвращались в город сожженные солнцем до медного блеска.

Багрицкий научил меня ловить на самолов — длинный шнур с несколькими крючками и тяжелым грузилом на конце. Одесские рыболовы ловили только на белые серебряные крючки. На эти крючки морская рыба брала, по их словам, охотнее, чем на черные.

Ловля на самолов оказалась увлекательным делом. Мы со свистом раскручивали над головой грузило и далеко закидывали шнур. Он разрезал малахитовую воду и уходил на дно. От шнура бежали торопливыми струйками пузыри воздуха. Море дышало: вода то медленно подымалась, натягивая самолов, то опускалась, и тогда самолов провисал.

После речной ловли я не сразу привык к тому, что не надо смотреть на поплавок. Поплавка на самолове не было. Клёв передавался по шнуру, как нервный дрожащий удар. Тогда надо было подсекать и быстро выбирать снасть.

Попадались большие черные бычки — «кнуты», мелкая камбала — «глосс», барабулька, морские окуни и ерши.

Морские рыбы казались мне тогда очень загадочными. Они вырывались из глубины, трепеща, разбрасывая брызги, и падали на горячие камни волнолома, как сказочные существа из далекого прохладного мира. Все в них было удивительным: не только радужный блеск и странная окраска, но и острый свежий запах. «Может быть, — думал я, — так пахнут коралловые рифы» (хотя этих рифов на Черном море и не было). А может быть, рыбы пахли пузыристыми морскими водорослями. Или морской водой с ее великолепной и неиссякаемой свежестью. Запах этот был похож на дыхание озона после длинной и веселой грозы.

Барабулька, блестящая, как новенькая серебряная монета, на воздухе тотчас лиловела и покрывалась красными пятнами. Морские окуни переливались, как перламутр, тончайшими и туманными красками, заключенными в морской воде, — от лазоревой до золотой и пурпурной. В раскраске окуней было что-то схожее с тускнеющим цветом отраженных в море вечерних облаков.

Однажды худой рыболов в вылинявшей турецкой феске вытаскивал морского петуха — очень редкую и самую причудливую рыбу на Черном море.

Петух лежал на молу и шевелил плавниками, разгораясь всеми оттенками синего цвета. Вокруг стояли толпой рыболовы и молча смотрели на чудесную рыбу, похожую на слиток живых драгоценных камней.

Потом самый старый рыболов Христо подошел к морскому петуху, осторожно взял его под жабры, спустился по выщербленному каменному трапу к воде и бросил рыбу обратно в море. Это был старый рыбацкий обычай — всегда выпускать в море мор-

ских петухов. Они были слишком необыкновенны. Зажарить их и съесть казалось таким же кощунством, как если бы человек растопил печку картиной знаменитого мастера.

Я хорошо помню один «великий скумбрийный день» на волноломе. Над морем лежал, чуть колеблясь, синий и прохладный пошуру пшгиль. Сквозь утреннюю дымку ржавым золотом и охрой проступал далекий Дофиновский берег.

Ослепительная солнечная тишина простиралась от подножья мола на сотни миль в открытое море. Оно молчало на всем своем протяжении до берегов Крыма, Кавказа, до Анатолии и Босфора. Даже рыболовы, сидевшие с длинными своими «прутами», перестали покачивать ими в воде, замороженные синевой и безмолвием.

Тетя Пая тихо вздыхала.

— До чего же приятное наше море! — говорила она вполголоса. — Такое приятное, что и не поверишь, будто на свете есть всякие ненависти и страсти.

Мы с Багрицким лежали на молу и смотрели на небо. Оно, казалось, несло все высь, к какому-то блистающему и недосягаемому зениту. Шнуры мы намотали на босые ноги. Бычки нетерпеливо дергали за шнуры, но нам было лень подняться, жаль нарушить величавое сияние этого утра. Багрицкий вполголоса читал стихи Веры Инбер об одесской осени:

Осенний воздух тонок и опасен.
Иной напев, иной порядок дней.
И милый город осенью прекрасен,
И шум его нежней...

Внезапно все сдвинулось и смешалось. Рыболовы схватились за удилища. Над водой, как заряд из тысячи серебряных пуль, взлетела скумбрийная стая. Скумбрия разлеталась веерами, неслась потоками живых узких веретен. Тучи чаек налетали с открытого моря, шумя крыльями. Казалось, на волноломе несется метель.

Тотчас все пруты во всю длину мола взвились, будто их подкинула высокая волна, и на конце каждой лески забились и зашверкала скумбрия.

Пруты подымались и опускались торопливо и непрерывно. По всему молу скакали тугие рыбы с синеватыми спинками. Кот Зяма вертелся среди скачущей рыбы, и глаза его пылали зеленым восторгом. Что-то кричала тетя Пая. К волнолому шли, торопясь, шлюпки с новыми рыболовами. С берега долетали протяжные крики: — Скумбрия пошла!

Там металась в отчаянии толпа одесских мальчишек, так называемых «пацанов». Они хотели попасть на волнолом, но их не брали в шлюпки.

Все корзины рыболовов были уже полны рыбой, а скумбрийные стаи все неслись и неслись под водой струящимся серебром. Океанский наливной пароход входил в порт и величаво гудел.



Красные отблески от его днища качались в воде. Скумбрия пропосилась сквозь этот блеск и на мгновение вспыхивала пурпурным цветом. А пароход все гудел, приветствуя большой южный порт. След за кормой парохода тянулся далеко через заштилевшее море, и мне казалось, что он никогда не растает и по этому следу можно будет прочертить путь парохода к Одессе из далеких, затуманенных зноем морей...

После этого я потом часто ловил рыбу на Черном море — в Балаклаве, Ялте, Коктебеле, в Сухуми и под Батуми, но ни разу больше я не видел таких несметных стай рыбы, как в это прозрачное осеннее утро в Одессе. И, пожалуй, я ни разу больше не видел такого чуть туманного и прозрачного штиля. Хотя, нет! Были и другие морские тихие дни. Но все они очень отличались друг от друга.

Год назад я был в Коктебеле. Потухший курган Карадаг обрывался в море своими опаленными стенами. Карадаг был суров и темен, а море у его ног лежало безмолвное и белое от облачного неба. В серой прозрачной воде был далеко виден шнур самолота, и маленький краб, прицепившийся клешнями к этому шнуру.

Брали морские окуни, но так редко, что у меня оставалось время подолгу смотреть на разноцветные облака на вершинах желтых гор, заросших терновником. Облака эти стояли над всем восточным Крымом, как архипелаг летучих островов.

Я помню много хороших рыболовных дней на Черном море. Помню старую шхуну «Колхиду» в Балаклаве. Я ловил рыбу с ее рассохшейся палубы. Помню гранитную пристань в Масахандре, похожую на средневековый форт. Там за час можно было поймать всего одного-двух бычков, но с наслаждением просидеть весь день, подремывая на теплых, отполированных волнами камнях.

Помню горячую крупную гальку на берегу под Сухуми. Там вместо грузила я привязывал к самолоту плоские голыши. Они часто срывались, когда я раскручивал над головой самолот, и били с размаху по скалам, как пули. Тогда от скал шел едкий дымок и пахло порохом.

Помню ловлю на удочку в Батумском порту, когда красный пробковый поплавок совершенно затеривался среди множества мандариновых корок, и ветер с берега приносил лимонный запах лакированной листвы. А Черное море сверкало, переливалось и шумело за молом, где стояли, накренившись, огромные грузовые пароходы и, казалось, спали, дожидаясь погрузки.

Но все же морская ловля, несмотря на всю ее прелесть, не может, по-моему, сравниться с речной. Прежде всего, на море мешают штормы. К речной ловле, кроме того, нужно применять несравненно больше ловкости и мастерства, чем к ловле в море, где рыба берет жадно и без разбора даже на куски тряпок, лишь бы они были ярко окрашены.

Но все же будем благодарны Черному морю не только за его

праздничность, блеск и пенный шум, но и за рыбную ловлю у его берегов.

Она полна поэзии. Стоит провести на морском берегу весь день хотя бы для того, чтобы увидеть, как прибой вынесет на берег коричневый лист магнолии и осторожно положит его к вашим ногам, будто драгоценный подарок. Чтобы слышать заунывный ропот прибоя и следить за тем, как армады легких облаков плывут к сиреневым вершинам гор, редуют к вечеру и невольно напоминают нам о великом нашем поэте, который так пылко был привязан сердцем к этой полуденной земле и оставил нам о ней свои изумительные стихи:

Редует облаков летучая гряда...





Ефим Пермитин

ПРАЗДНИК ЛЕТА *

Алтайский колхоз-миллионер «Горные орлы» проводил «праздник сенокоса и меда».

Два праздника особо выделяли горноорловцы и каждый из них праздновали по-своему.

Осенью в колхозном Доме культуры — широкий, сытный «праздник урожая». Летом — зеленый, радостный «праздник сенокоса и первого меда».

День этот праздновался необычно. Самые лучшие верховые лошади седлались в богатые седла. Колхозники надевали праздничные одежды и ранним утром, гарцуя на лошадях, пестрыми живописными группами выезжали в леса и горы.

Весь день женщины и девушки собирали смородину, малину и ежевику. Мужчины ловили в порожистых речках хариусов, стреляли поднявшихся на крыло тетеревов и глухарят.

Молодежь пела песни, купалась в реке, состязалась в подъеме на крутую, трудно доступную гору Гляден, в искусстве стрельбы из мелкокалиберных винтовок.

Молодожены проводили день особняком, старые колхозники — звеньями (бригадами собираться было нельзя: мешали друг другу брать ягоды, удить рыбу и охотиться).

* Глава из романа «Горные орлы», выходящего в издательстве «Советский писатель».